

Тан Нин велела ждать новостей через пару дней, так что им оставалось только запастись терпением.

На обратном пути Цзян Лу всё ещё выглядел ошеломлённым. Он послушно шёл за Вэй Цзиньанем и сел в машину с таким отсутствующим видом, словно пережитое потрясение начисто лишило его способности соображать.

Вэй Цзиньань не удержался от смешка:

— Сяо Цзян, неужели так удивлён?

— Э-э... — Цзян Лу наконец очнулся и растерянно кивнул. — Я думал... кастинг — это когда куча народу присылает резюме, а потом все по очереди заходят на прослушивание?..

Вэй Цзиньань охотно принялся объяснять:

— То, о чём ты говоришь, тоже бывает, но у нас в стране такое редкость. Чаще всего инвесторы сразу тычут пальцем в нужного человека. Либо срабатывают связи: кто-то кого-то порекомендовал, режиссёр глянул — вроде подходит — и утвердил. К открытым прослушиваниям прибегают в самую последнюю очередь.

Цзян Лу рассеянно кивнул.

Видя, что парню нужно время, чтобы переварить услышанное, Вэй Цзиньань решил сменить тему:

— Ну да ладно. Расскажи лучше, как тебе сегодняшняя встреча? Как сам-то себя чувствуешь?

— Да вроде... нормально? — Цзян Лу застенчиво улынулся. — Я просто доверился чувствам.

— Вот как?

— Сестра Нин не требовала ничего сверхъестественного, — пояснил Цзян Лу. — Расспросила немного, а потом попросила разыграть одну сцену.

Вэй Цзиньань с любопытством приподнял бровь:

— И какую же?

— Ту, где Лю Чэн приходит к Ян Инчжо...

Вэй Цзинъань всё понял без лишних слов и хмыкнул:

— Ну конечно. Сразу видно автора — зашла с козырей, выбрала самое пекло.

Цзян Лу лишь смущённо улыбнулся.

Чтобы уговорить Тан Нин на встречу, Вэй Цзинъань заранее от корки до корки прочитал её роман, а потому прекрасно понимал её мотивы. В этой сцене эмоции Лю Чэна достигают своего пика. Она чертовски сложная, многослойная, и для новичка попытаться уловить самую суть персонажа в такой момент — задача почти непосильная. Неудивительно, что Тан Нин начала именно с неё.

Если он справился с самым трудным испытанием, то остальное покажется детским лепетом.

— На самом деле... всё прошло неплохо, — тихо произнёс Цзян Лу. — Мне не показалось это слишком сложным. Я просто встал, представил себя на его месте, посмотрел на сестру Нин и начал отвечать на её реплики...

Вэй Цзинъань лишь качнул головой и беззлобно усмехнулся. Только этот ребёнок мог назвать подобное «несложным». Любой другой начинающий актёр без искры таланта от одной мысли о такой сцене впал бы в ступор. Куда там до тонкой мимики — если бы удалось без запинки выдать текст и не забыть простейшие движения, это уже посчитали бы победой.

Цзян Лу лишь непонимающе моргнул.

Впрочем, не один Вэй Цзинъань был такого мнения. Даже Тан Нин, оставшись дома одна, ловила себя на мысли, что у Цзян Лу определённо есть дар.

Будучи наследницей богатой и влиятельной семьи, Тан Нин с детства вращалась в кругах, близких к шоу-бизнесу, и повидала немало актёров. Она давно научилась с первого взгляда отличать тёртых калачей от зелёных новичков. И Цзян Лу со своей детской растерянностью воплощал собой идеальный образ неоперившегося птенца. Пожалуй, он уступал даже выпускникам театральных вузов, только-только делающим первые шаги на съёмочной площадке. Те хотя бы пытались заискивать и угождать, этот же парень был абсолютно открыт: все его мысли читались прямо на лице.

«И на что годен этот желторотый юнец?» — поначалу скептически думала Тан Нин. Начинающих актёров пруд пруди, но талантом из них обделено подавляющее большинство. Благо зрители в Z-стране неприхотливы: лишь бы картинка была сносной, а остальное приложится. Именно поэтому бездари то и дело взлетают на вершины популярности.

Но сама Тан Нин, как писательница, презирала подобную публику всей душой. Какими бы популярными они ни становились, для неё они оставались пустышками.

«Срубить бабла по-быстрому, пока лицо не покрылось морщинами, и обеспечить себе безбедную старость — разве это заслуживает уважения? Если превозносить таких однодневок, то как тогда смотреть в глаза настоящим мастерам, которые годами вытачивают каждую роль и отдают себя искусству без остатка?»

Тан Нин отчаянно хотела найти актёра опытного и преданного своему делу. Увы, большинство подходящих под её критерии кандидатов давно вышли из юношеского возраста, да и размениваться на мыльные оперы для малых экранов не желали. Из молодых был один готовый вариант, предложенный «Гигантской звездой», но стоило ей увидеть его вечно унылую физиономию и рабскую покорность в глазах, как она без колебаний выставила его за дверь.

Тан Нин прекрасно понимала, что её дотошность и капризы раздражают многих, но она просто не могла позволить случайным людям осквернять героев, которых вынашивала всем сердцем. Именно поэтому, когда Цзян Лу переступил порог её квартиры, её первым вопросом без всяких прелюдий было:

— Тебе нравится моя книга? И как ты относишься к Лю Чэну?

Обычно соискатели на кастингах включают дежурную пластинку: «О да, я без ума от вашей книги! Перечитывал её десятки раз, а от этого героя просто в восторге. Мечтаю сыграть его, для меня это была бы величайшая честь...»

Но в этот раз ей попался круглый невежа. Тан Нин уже приготовилась снисходительно выслушать порцию лести, как вдруг Цзян Лу выдал:

— Мне очень нравится Няньнянь, она чудесная девушка. Что до Лю Чэна... я могу его понять и даже в чём-то сопереживаю ему... Но вот его поступки одобрить не могу.

Тан Нин опешила.

«Это ещё что такое? В сценарии нашего разговора этого не было!»

Все заготовленные по шаблону вопросы полетели к чертям из-за этого недотёпы, который понятия не имел о правилах игры. Избалованная старшая мисс Тан мгновенно надулась. Впрочем, комплимент в адрес Няньнянь немного смягчил её сердце, и она решила проявить снисхождение.

Изогнув бровь, она спросила с самым кислым видом:

— Вот как? И что же тебе не нравится? Считаешь его плохим человеком?

— Иногда нужно просто уметь отпускать прошлое. Тогда и жить станет легче, — мягко ответил Цзян Лу и кротко улыбнулся.

Тан Нин раздражённо цыкнула:

— Послушать тебя, так я вообще сомневаюсь, что ты способен понять Лю Чэна, не говоря уже о том, чтобы сыграть его.

Цзян Лу лишь безоружно посмотрел на неё.

Тан Нин решила отбросить церемонии и перешла прямо к делу:

— Ладно, закончим этот пустой трép. Сделаем так: я выберу сцену, а ты её сыграешь. Справишься — роль твоя. Нет — проваливай.

Цзян Лу послушно кивнул:

— Хорошо.

Тан Нин протянула руку и взяла со стола два свежееотпечатанных тома. Своё детище она знала наизусть, поэтому за секунду отыскала нужный фрагмент и ткнула пальцем в страницу:

— Вот этот отрывок. Даю тебе пятнадцать минут на подготовку. Я буду читать за Ян Инчжо, ты — за Лю Чэна. Начинаем.

Это было чистой воды издевательство. Роман — не сценарий, в нём нет вылизанных диалогов. Львиную долю текста занимают описания мимики, жестов и сложные внутренние монологи. Самих же реплик — раз-два и обчёлся. Для зелёного новичка это кошмар наяву. Молодая память, может, и превосходит ветеранскую, но вот выразить мимикой и пластикой всю гамму скрытых чувств без опыта — задача почти невыполнимая. И уж точно не за несчастные пятнадцать минут.

Однако Цзян Лу принял вызов без малейших возражений.

Взяв книгу, он углубился в чтение. Пятнадцать минут он сосредоточенно переворачивал страницы туда-обратно, вчитываясь в каждую строчку с предельной серьёзностью. И лишь когда Тан Нин напомнила о времени, он молча вернул ей томик.

Тан Нин немного оттаяла, оценив его прилежание. Отыскав нужный абзац, она намеренно сухо, без всяких эмоций зачитала:

— Если хочешь, чтобы я выполнил твою просьбу, сделай так, чтобы я больше никогда тебя не видел. Исчезни из этого мира навсегда. Ну как, по рукам?

Договорив, она подняла глаза, ожидая увидеть неуклюжие потуги новичка, но в ту же секунду оцепенела.

Перед ней стоял юноша, чей взгляд был полон беспредельного отчаяния и тихого ужаса перед грядущим. Казалось, тронь его пальцем — и этот хрупкий образ рассыплется на тысячи осколков, которые уже никогда не собрать воедино.

Писательница застыла, застигнутая врасплох. Расплывчатый силуэт Лю Чэна, живший доселе лишь в её воображении, внезапно обрёл плоть и кровь, приняв облик стоящего перед ней юноши. Цзян Лу стоял неподвижно, но на его лице отражалась такая глубокая, мучительная внутренняя борьба, что у Тан Нин болезненно сжалось сердце.

После долгого, душливого молчания он наконец тихо, почти безжизненно произнёс:

—... Хорошо.

Да. Именно это.

В памяти Тан Нин мгновенно воскресли те дни, когда она только начинала писать. Она вспомнила, ради чего вообще взялась за перо: образ этого ранимого, измученного юноши когда-то до глубины души потряс её. Движимая упрямым желанием подарить ему жизнь на бумаге, она писала день и ночь, пока не создала роман, который теперь держала в руках.

И теперь она отчётливо понимала: если бы Лю Чэн действительно сошёл со страниц книги в реальный мир, он выглядел бы в точности так, как этот парень.

Вэй Цзинъань не солгал. Этот мальчишка действительно обладал редким, удивительным талантом.

<http://bllate.org/book/20166/2162547>